

Т. Е. Янко (Москва)

КОММУНИКАЦИЯ vs. НОМИНАЦИЯ: АНАЛИЗ РУССКИХ ВОКАТИВОВ

В данной работе проблема интеграции когнитивных подходов к анализу языка решается путем разработки комплексного метода исследования коммуникативной и лексической семантики на примере формирования речевого акта обращения в русском языке. Рассматривается зависимость способов номинации слушающего от *коммуникативных потребностей* общения, по Е.С. Кубряковой [2004: 255]. Выделяются базовые типы обращений, такие как зов (*Вася, обедать!*) и поддержание общения, начатого ранее (*Подвинься, Зин!*), а также периферийные типы обращений, например, обращение к обобщенному адресату (*Врач, исцелися сам!*) или поэтическое обращение, нацеленное на характеристику лирического адресата (*О, Волга!.. колыбель моя!*). Реализация различных видов иллокутивных вокативных сил направлена на удовлетворение таких коммуникативных потребностей, как привлечение внимания слушающего, идентификация слушающего в коммуникативном пространстве, характеристика слушающего, выражение оценок и эмоций говорящего по отношению к слушающему. Многие из этих функций, в частности, противопоставление идентификации и характеристики, выделены Н.Д. Арутюновой как для анализа обращений [Арутюнова 1977: 340-344], так и для логического анализа предложения как речевого акта вообще, см., например [Арутюнова 1999: 6], ср. также [Кубрякова 2004: 227].

Цель нашей работы — отразить коммуникативные функции, связанные с формированием речевого акта вокатива, в зеркале стратегий именования адресата. Ниже будет показано, что номинация слушающего полностью зависит от коммуникативных потребностей говорящего. Так, при зове, инициирующем общение, на первый план выходят факторы привлечения внимания и идентификация слушающего. Следовательно, лексическое именование слушающего в таком случае включает только те лексические единицы, которые способны идентифицировать слушающего, т.е. дать ему понять, что зов направлен именно на него. В такой функции выступают имена собственные (*Вася!*), некоторые термины родства (*Мама!*) и уникальные роли в ситуациях и жизненных сценариях (*Дежурный по смене!*, *Водящий!*). Имена же, скажем, таксономических классов, называющие постоянные или долговременные признаки людей, для реализации зова, как правило, не подходят (**Китаец, подойдите к окну паспортного контроля!*; **Хирург, я буду жить?*), потому что они «плохие» идентификаторы. При поддержании начатого общения привлечение внимания и идентификация уходят на задний план, потому что слушающий уже сосредоточен на общении с говорящим, а на первый план выходит выражение отношения говорящего к слушающему, оформленное соответствующим образом лексически: *Руки вверх, предатель!*; *Счастливого пути, радость моя!*. При поэтической адресации активизируется функция

характеризации адресата, при том что реальный контакт говорящего со слушающим здесь вообще отсутствует: *Ивы-провидицы мои! Березы-девственницы!...* (Цветаева); об обращениях как средстве поэтической характеристики см. [Ковтунова 1986: 108].

Ниже в качестве базы для анализа предлагается три классификации: 1) классификация типов вокативных иллокутивных сил, 2) классификация удовлетворяемых в различных типах обращений частных коммуникативных потребностей и 3) классификация лексических типов именных групп, именующих слушающего, которые согласуются (или не согласуются) с удовлетворением релевантных коммуникативных потребностей. При таком подходе стратегии номинации необходимо выводятся из коммуникативных потребностей, что, в частности, позволяет объяснить запреты на использование некоторых лексических единиц в вокативной роли. О лексических запретах в вокативах см. [Zwicky 1974].

Анализ лексической семантики, который предлагается ниже, нацелен на выявление идентифицирующих, характеризующих, оценочных, эмотивных и классифицирующих параметров в семантике именных групп. В частности, на примере анализа семантического класса существительных, обозначающих временные роли, которые человек играет в ситуациях и жизненных сценариях, рассматривается способность имен ролей идентифицировать слушающего. Так, практически все имена участников ситуации суда и следствия имеют высокий идентифицирующий потенциал и, соответственно, легко используются в иллокуции зова: *Свидетельница, пройдите к месту дачи показаний!*; *Обвиняемый, вам понятен приговор?*. Между тем в сценарии посещения ресторана в качестве идентификатора используется только имя выделенной Фигуры официанта, а посетители играют здесь роль безликой толпы, на Фоне которой работает официант как основной постановщик разворачивающегося действия. Аналогично, в ситуации проезда в общественном транспорте водитель — это профильная роль и именно имя водителя используется как обращение (*Водитель, откройте заднюю дверь!*), а пассажиры — это серая масса: **Пассажир, не стойте в проходе!*. Таким образом, имя временной роли (*свидетель, докладчик, дежурный*), которое в общем случае, в отличие, скажем, от имени постоянного признака (*хирург, китаец, астматик*), имеет высокий вокативный потенциал, нуждается, тем не менее, в дифференцированном описании, потому что в качестве обращений используются имена не всех, а только профильных ролей.

1. Согласование коммуникативных и номинативных параметров обращений
Для анализа лексической и иллокутивной совместимости выделяется 1) множество типов вокативных иллокутивных сил, 2) множество коммуникативных функций обращений (коммуникативных потребностей) и 3) набор семантических классов именных групп.

1.1. Иллокутивные типы обращений

Класс вокативных иллокуций неоднороден. Обращения бывают разных типов. Выделяются следующие типы вокативных иллокутивных сил.

Базовые типы:

- I. Обращения, открывающие общение, или зов (*Доктор, сюда, здесь раненые!*);
- II. Обращения, поддерживающие уже начатое общение (*Век вам, доктор, буду благодарен!*).
- III. Обращения в объявлениях, ограничивающие круг лиц, которым адресованы объявления (*Пассажиры с диареей, прибывшие рейсом DL860 из Нью-Йорка, вас ожидает скорая помощь у трапа самолета*);

Периферийные типы:

- IV. Обращения к обобщенному исполнителю абстрактного, но благородного действия в призывах и лозунгах (*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*; *Врач, исцелися сам! Воин Красной Армии, спаси!*);
- V. Поэтические и сакральные обращения, нацеленные на раскрытие свойств адресата (*Ивы-провидицы мои! Березы-девственницы!...* (Цветаева); *Отче нашъ, Иже еси на небесъхъ...* (Молитва Господня));
- VI. Обращения в песнях, использующие прямую — не опосредованную коммуникативными функциями — номинацию адресата; направлены не собственно на обращение, а на сообщение аудитории, о ком поется в песне (*Крепче за баранку держись, шофер; Держись, геолог, крепись, геолог; Приходи ко мне, морячка, я любовь тебе отдам*).

1.2. Коммуникативные функции (потребности)

Рассмотренные выше иллокутивные типы основаны на следующих коммуникативных функциях общения, реализуемых через обращения.

- I. Привлечение внимания слушающего (или апелляция);
- II. Идентификация слушающего в коммуникативном пространстве;
- III. Выражение оценки;
- IV. Выражение эмоций говорящего по отношению к слушающему;
- V. Выражение вежливости;
- VI. Характеризация слушающего.

1.3. Семантические классы именных групп

Для анализа семантического согласования номинаций слушающего, иллокутивной семантики вокативов и реализуемых в вокативах коммуникативных функций выделяются следующие семантические типы именных групп со значением человека.

- I. Именные группы, называющие устойчивые таксономические признаки людей (*врач, узбек, горожанин, астматик*), свойства по Е.Я. Шмелевой [1983: 41];
- II. Слова оценки (*предатель, сумасброд, благодетель, негодяй*);

- III. Именования ролей в стандартных жизненных ситуациях и сценариях (*дежурный, докладчик, ведущий, истец*), или имена деятеля в актуальном значении, по Е.Я. Шмелевой [1983; 44, 53, 110];
- IV. Термины родственных и социальных отношений слушающего по отношению к говорящему (*мама, крестная, шеф, земляк*);
- V. Имена собственные (*Вася*);
- VI. Развернутые дескрипции (*пассажиры с диареей, прибывшие рейсом DL860 из Нью-Йорка; учащиеся старших классов; Вы, чьи широкие шинели напоминали паруса...*(Цветаева))

На особенностях членов класса III следует остановиться отдельно, потому что этот класс неоднороден: роли в сценариях и ситуациях имеют различную онтологическую сущность и различные типы когнитивной категоризации, что влияет на вокативный потенциал слов со значением имен ролей. Этой проблеме посвящен следующий подраздел.

1.3.1. Имена ролей

Обратимся к семантическому классу имен ролей, которые люди исполняют в сценариях жизни: *свидетель, истец, дежурный, вратарь, докладчик, подружка невесты, первая скрипка, Городничий*. В ходе общения имя роли, которую человек играет в жизненной ситуации или на сцене, может замещать его личное имя и, соответственно, использоваться как обращение. Примеры стандартных ситуаций — посещение ресторана, игра в футбол, свадьба, похороны, заседание и собрание. Такие устойчивые — закреплённые онтологически — традициями, протоколами и должностными инструкциями — сценарии содержат стандартные наборы ролей: это участники спортивных и развлекательных игр (*водящий, салка, ведущий, вратарь*), ритуалов (*жених, невеста, подружка невесты*), процедур суда и следствия (*истец, ответчик, подозреваемый, осуждённый, обвиняемый*), собрания (*председатель, докладчик*), концерта (*конферансье, ведущий*), спектакля (*режиссёр, Мельник, Городничий, Гамлет*).

Между тем не все имена участников стандартных ситуаций одинаково пригодны для адресации. Для обращения к слушающему подходят имена только уникальных и выделенных, или профильных, ролей. Обратимся к примерам. В ситуации проезда в общественном транспорте выделенную роль, как уже говорилось выше, играет водитель, пассажиры — это только статисты, и имя их роли как обращение не функционирует. Аналогично, официант — это профильная роль, а посетители ресторана — безликая толпа: посетителей много, официант — один. Его нужно ждать и звать, если он не обращает внимания на посетителя.

Важная жизненная ситуация — прием больного врачом. Можно предположить, что в данном случае профильными станут обе роли: больной противопоставлен врачу, а врач — больному. Однако языковые данные в отношении врача и больного неоднозначны. Как обращения используются только два имени. Это *доктор (Доктор, я буду жить?)* и *больной (Больной, вы куда?! Вам в другой кабинет!)*. Термины же *врач* и *пациент* в качестве обращений не используются, хотя обозначают ту же пару «врач-больной».

Можно ли предложить какое-нибудь объяснение вокативной асимметрии двух пар — «доктор-врач» и «больной-пациент»?

В связи с парой «доктор-врач» наша гипотеза состоит в следующем. *Доктор!* — это титульное обращение, которое специально предназначено для обращения к врачу. Это слово прочно закрепилось как обращение не только в языке, но и в культуре, подобно другим словам-обращениям *господа, друзья, товарищ, девушка, молодой человек*. Следовательно, в паре «доктор-врач» «вокативная позиция» уже занята «доктором», а лексема *врач* остается за обозначением соответствующей профессии, как *лингвист, бухгалтер* и *шофёр*, и в качестве обращения не используется. *Врач* — это слово лексического класса I, обозначающего постоянные признаки людей — профессии (*хирург, лингвист*), национальности (*узбек*), хронические болезни (*астматик, туберкулезник*), социальную принадлежность (*горожанин, пенсионер*), у членов которого, очень низкий вокативный потенциал, потому что они не годятся ни для идентификации, ни для выражения оценок и чувств. Заметим также, что лексема *доктор* в значении профессии, наоборот, употребляется гораздо реже, чем *врач*. Это говорит о том, что семантические функции слов *доктор* и *врач* разошлись: «доктор» — это титул, а «врач» — профессия.

В паре же «больной-пациент» профильным вокативным словом стало слово *больной*, которое и используется как вокативный коррелят доктора. Пациенты же подобны пассажирам автобуса и посетителям ресторана, они служат фоном для выделенной фигуры медицинского работника. Поэтому *пациент* как обращение не используется. Тем самым пара «доктор-больной» имеет более большой вокативный вес, чем пара «врач-пациент», где *врач* имеет семантику профессии, а *пациент* — это имя фоновой роли. Общий же вывод состоит в том, что в качестве вокативов используются не все имена ролей, а только имена профильных ролей.

Далее. При употреблении имён ролей в качестве вокативов действует важное онтологическое и концептуальное ограничение. Обратиться к больному *Больной!* может только сотрудник медицинского учреждения, где лечится больной: врач, сестра, санитарка, уборщица и даже буфетчица. Между тем один больной не называет другого больного больным, если это слово используется как обращение. Если мы слышим слова *Вы, больной, не волнуйтесь!*, мы понимаем, что они произнесены сотрудником лечебного учреждения, а не посетителем и не соседом больного по палате.

Аналогично, со словом *Свидетель!* к свидетелю обращается только противопоставленный свидетелю другой участник соответствующей ситуации: судья, следователь, адвокат. Другой свидетель, проходящий по тому же делу (а тем более по другому), журналист, который берет интервью у свидетеля, со словом *свидетель!* к свидетелю не обращается. Официанта называет официантом только посетитель ресторана, но не гардеробщик и не уборщица.

Что касается «дежурных» и «старших», то ситуация, в которой они участвуют, имеет двойственный характер. Дежурным и старшим человека называет, во-первых, тот, кто назначил их на эту роль, и, во-вторых, апелляция к дежурному или старшему может понадобиться стороннему наблюдателю,

который хочет проконтролировать работу сотрудников магазина, строителей, уборщиков: *старший, дежурный, заведующий, хозяин* — это профильные роли во множестве однотипных ситуаций. Соответственно, в языке «старшие» и «дежурные» наделены высокой вокативной силой.

Таким образом, имена ролей могут звучать как обращения только в устах участников ситуации, которые «уполномочены» называть других свидетелями, больными и официантами. Тем самым имена ролей сближаются с именами реляционных слов, таких как *мама, крёстная* или *шеф*. Мать является матерью своим детям, и им положено называть её мамой. Она — мама только для них. Для других она уже не мама, и они ее мамой не называют. Аналогично, свидетель значим как свидетель для следователя и судьи, а с другими свидетелями и с журналистами он находится в иных отношениях: для других свидетелей он товарищ по несчастью, для журналиста — интервьюируемый, для уборщицы — посетитель суда.

И наконец, если в ситуации имеется только один участник — седок, ездок, наездник, «Едоки картофеля» (вспомним название картины Ван Гога), «Игроки в кости» (название картины Латура) — имя его роли тоже не служит для адресации, потому что в ситуации отсутствует участник, который противопоставлен первому.

2. Стратегии номинации в контексте разнообразия вокативных иллокуций

Выше было показано, что именные группы в разных вокативных функциях обнаруживают различную вокативную силу. Так, лексема *врач* оказывается «плохим» обращением в ситуации зова и поддержания общения (**Врач, я буду жить?*), но способна называть обобщенного адресата в крылатом выражении *Врач, исцелися сам*. Это выражение не служит прямым обращением к врачу, а обозначает целую ситуацию, в которой человек берется за решение чужих проблем, не будучи в состоянии решить аналогичные проблемы для себя самого.

Для того, чтобы установить соответствие между различными типами вокативных иллокуций, релевантными для этих иллокуций коммуникативными потребностями и семантическими классами именных групп, способными именовать слушающего, было предложено три классификации: классификация вокативных иллокуций, классификация коммуникативных потребностей и семантическая классификация именных групп. Результаты установления соответствия между тремя множествами, коротко, сводятся к следующему.

Слова, называющие постоянные свойства (*врач, шофер, астматик*), имеют минимальный вокативный потенциал: они не годятся для идентификации слушающего в коммуникативном пространстве, поэтому их нельзя использовать в ситуации зова, и не выражают чувств, поэтому не они подходят для поддержания начатой коммуникации. Слова таксономических классов способны использоваться только в обращении к обобщенному адресату в лозунгах и воззваниях (*Студент, гордись тем, что ты учишься в лучшем педагогическом вузе страны!*) и в псевдообращениях к лирическому адресату поэтического произведения (*Крепись, геолог!*). Попутно заметим, что язык

располагает специальными «вокативизирующими» средствами, которые делают из «плохих» вокативов «хорошие», ср.: **Пассажиры!* vs. *Уважаемые пассажиры!*. Однако, если лексема используется как обращение в контексте вокативных слов *дорогой, уважаемый, Эй!, О!, ты*, это не значит, что она сама по себе служит «хорошим» вокативом; вокативизирующие средства языка рассмотрены в Янко 2010.

Имена собственные (*Вася*) — прекрасные идентификаторы, поэтому они используются в любой вокативной функции, кроме обращения к обобщенному адресату в крылатых выражениях и воззваниях. Так, в призыве *Иван, спаси!* личное имя *Иван* немедленно перестает быть именем собственным, меняет свой семантический класс и начинает обозначать русского человека вообще.

Реляционные имена (*мама*) и имена профильных ролей (*свидетель, докладчик*) тоже хорошо выполняют функцию идентификации адресата в коммуникативном пространстве, поэтому они совместимы с иллокуцией зова.

Слова оценки хорошо подходят для поддержания уже начатого общения (*Руки вверх, предатель*), а при зове, инициирующем общение, они не используются: слушающий, не ожидающий вступления в контакт, может не догадаться, что именно он оказался предателем, благодетелем или ничтожеством, т.е. оценки — это «плохие» идентификаторы.

Развернутые дескрипции используются в объявлениях, в сакральных и в поэтических обращениях.

Итак, в иллокуции обращения акт номинации адресата опосредован коммуникативными потребностями прагматической ситуации. При обращении имя слушающего не только именуется в соответствии с его признаками, но и идентифицирует слушающего в коммуникативном пространстве, выражает оценки и чувства говорящего. Прямая номинация адресата, не опосредованная коммуникативными ограничениями, возможна, как мы показали выше, только при псевдоапелляции к лирическому адресату художественного произведения, например песни, исполнение которой подразумевает присутствие адресата номер два — слушающей аудитории, которой через псевдоадресацию к адресату номер один — лирическому адресату произведения — сообщается, о ком поется в песне: шофере, геологе, морячке. На фоне прямой — не опосредованной собственно вокативными коммуникативными функциями — номинации лирического адресата песни особенно отчетливо выделяются ограничения, которые накладывают на способ именования слушающего базовые вокативные иллокуции. В базовых вокативах номинация адресата как геолога, шофера или морячки невозможна: названия профессий, как было показано выше, практически лишены вокативной силы.

3. Принципы вокативной номинации

В результате анализа коммуникативных функций обращений и лексических средств, способных реализовать эти функции и их композиции, можно также выделить основные принципы вокативной номинации.

Собственно вокативные принципы:

- идентифицирующий принцип (*Вася!, Мама!, Дежурный по смене!*);

- оценочный (*Руки вверх, предатель!*);
- эмотивный (*Радость моя!*);
- этикетный (*Шеф!, Сударыня!, Папаша!, Доктор!, Ваше высокопреосвященство!*);
- идентифицирующе-характеризующий (*Пассажиры с диареей, прибывшие рейсом DL860 из Нью-Йорка!*);
- характеризующий (*Березы-девственницы!... (Цветаева), Отче нашъ, Иже еси на небестъхъ... (Молитва Господня)*);
- идентифицирующе-эмотивный (*Мамуля!*).

Несобственно вокативные принципы:

- обобщающий (*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*);
- прямой, т.е. не опосредованный коммуникативными потребностями (*Крепись, геолог!; Приходи ко мне, морячка!*).

Заметим здесь, что не все коммуникативные потребности, например, привлечение внимания, находят свой коррелят в лексической семантике именных групп. Кроме того, существенно, что такой способ номинации, как этикетный, регламентирован не только законами языка, но, прежде всего, фактором культуры.

Анализ вокативных иллокутивных сил, частных коммуникативных потребностей и лексических единиц, заполняющих вокативную позицию, позволяет заключить, что 1) иллокутивная сила обращения неоднородна, она имеет коммуникативные разновидности; 2) лексические единицы в различных коммуникативных функциях имеют различную вокативную силу, т.е. в одних типах вокативов они могут использоваться, а в других — нет; 3) в обращениях реализуются разнообразные вокативные функции (вплоть до отсутствия таковых в псевдообращениях) и комбинации этих функций отображаются в специальных типах вокативной номинации, которая, как было показано, полностью зависима от набора коммуникативных потребностей.

Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки РФ в рамках гранта № НШ-1140.2012.6 "Образы языка в лингвистике начала XXI века" (рук. В.З. Демьянков).

Литература

- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст. (Номинация – обращение). // Языковая номинация. Виды наименований. М.: Наука, 1977. 340-344 с.
- Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Шмелева Е.Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ). Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1983. 246 с.
- Янко Т. Е. Обращения в структуре дискурса // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных культурах. М. 2010. Индик. С. 456-468.

Zwicky A. Hey, whatyourname! — Papers from the Tenth Regional Meeting of the Chicago Linguistics Society. Chicago: Chicago Linguistics Society, 1974. P. 787-901.

ВЕСТН. МОСК. УН-ТА, СЕР. 9. ФИЛОЛОГИЯ, 1979, № 4

Л. Л. ФЕДОРОВА

О СИСТЕМЕ ФОРМ ОБРАЩЕНИЯ В ДУНГАНСКОМ ЯЗЫКЕ